

УДК 341.7

DOI <https://doi.org/10.24919/2308-4863.1/32.214470>

Оксана ЗАХАРОВА,
 orcid.org/0000-0002-2143-7020
 доктор исторических наук, профессор,
 независимый исследователь
 (Прилуки, Черниговская область, Украина) irinatak67@ukr.net

ПРЕБЫВАНИЕ ДИПЛОМАТОВ ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ В МОСКВЕ (1920–1930-Е ГГ): ПРОТОКОЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Новый период в истории российской дипломатии и, соответственно, в истории дипломатического протокола наступил после Февральской революции 1917 г. и отречения Николая II от престола. Единственная «протокольная акция» Временного правительства заключалась в издании списка аккредитованных в Петрограде глав иностранных дипломатических миссий. Сразу после октябрьских событий 1917 г. Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) возглавил Л. Д. Троцкий.

Во главе Протокольной службы НКИД в 1920–1930-е гг. стояли Дмитрий Тимофеевич Флоринский (репрессирован в 1934 г.) и Владимир Николаевич Барков (арестован в июне 1941 г., реабилитирован в 1958 г.).

Проблема исследования состоит в изучении не только официальной, но и повседневной жизни аккредитованных в Москве дипломатов и членов их семей с целью доказать зависимость протокольных норм, традиций и условий от приоритетов внешней политики государства.

В результате исследования выявлено: особенность пребывания Дипкорпуса в Москве заключается в том, что дипломаты находились в новой, непривычной для них социокультурной среде, в которой к современной европейской культуре, представителями которой они являлись, было негативное отношение.

В начале 20-х гг. корпус живёт довольно замкнуто, но в дальнейшем, благодаря стараниям Д. Т. Флоринского и сотрудников Протокольного отдела, изолированность корпуса от культурной жизни Москвы уже не столь очевидна.

Обращает на себя внимание также тот факт, что своеобразными центрами дипломатической жизни столицы СССР были посольства фашистской Италии и нацистской Германии. В 30-е гг. немецкие дипломаты играют активную роль не только в политической, но и в светской дипломатической жизни, одним из ярких событий которой стал бал немецкой миссии в Москве, на котором языком искусства было выражено отношение дипломатов к современной советской действительности.

Анализируя историю формирования советского протокола, нельзя недооценивать субъективный фактор. Наследие Д. Т. Флоринского и В. Н. Баркова – основа для последующих практических разработок в области протокола, который и в настоящее время является инструментом созидания в мировой политике.

В 1939 г. в Москве были заложены основы нового мирового порядка, в создании которого важную роль сыграли сотрудники внешнеполитических ведомств СССР и Германии, в т. ч. аккредитованные в Москве дипломаты, изучение деятельности которых подтверждает тот факт, что дипломатический протокол – показатель приоритетов внешней политики государства.

Ключевые слова: дипломатия, культура, протокол, внешняя политика, дипломатический этикет.

Оксана ЗАХАРОВА,
 orcid.org/0000-0002-2143-7020
 доктор історичних наук, професор,
 незалежний дослідник
 (Прилуки, Чернігівська область, Україна) irinatak67@ukr.net

ПЕРЕБУВАННЯ ДИПЛОМАТІВ НІМЕЧЧИНИ ТА ІТАЛІЇ У МОСКВІ (1920–1930-ТІ РР.): ПРОТОКОЛЬНІ ТА КУЛЬТУРНІ АСПЕКТИ

Новий період в історії російської дипломатії і, відповідно, в історії дипломатичного протоколу настав після Лютневої революції 1917 р. і зречення Миколи II від престолу. Єдина «протокольна акція» Тимчасового уряду полягала у виданні списку акредитованих у Петрограді глав іноземних дипломатичних місій. Відразу після жовтневих подій 1917 р. Народний комісаріат закордонних справ (НКЗС) очолив Л. Д. Троцький.

На чолі Протокольної служби НКЗС у 1920–1930-і рр. стояли Дмитро Тимофійович Флоринський (репресований у 1934 р.) і Володимир Миколайович Барков (заарештований у червні 1941 р., реабілітований у 1958 р.).

Проблема дослідження полягає у вивченні не тільки офіційного, а й повсякденного життя акредитованих у Москві дипломатів і членів їхніх сімей із метою довести залежність протокольних норм, традицій і умовностей від пріоритетів зовнішньої політики держави.

Дослідження виявило: особливість перебування Дипкорпусу в Москві полягає в тому, що дипломати перебували в новому, незвичному для них соціокультурному середовищі, в якому до сучасної європейської культури, представниками якої вони були, ставлення було негативне.

На початку 20-х рр. корпус живе досить замкнуто, але надалі завдяки старанням Д. Т. Флоринського і співробітників Протокольного відділу ізоляваність корпусу від культурного життя Москви вже не настільки очевидна.

Звертає на себе увагу також той факт, що своєрідними центрами дипломатичного життя столиці СРСР були посольства фашистської Італії та нацистської Німеччини. У 30-ті рр. німецькі дипломати грають активну роль не тільки в політичному, а й у світському дипломатичному житті, одним із яскравих подій якого став бал німецької місії в Москві, на якому мовою мистецтва було висловлене ставлення дипломатів до сучасної радянської дійсності.

Аналізуючи історію формування радянського протоколу, не можна недооцінювати суб'єктивний фактор. Спадщина Д. Т. Флоринського і В. М. Баркова – основа для подальших практичних розробок у сфері протоколу, який і нині є інструментом творення у світовій політиці.

У 1939 р. в Москві були закладені основи нового світового порядку, у створенні якого важливу роль зіграли співробітники зовнішньополітичних відомств СРСР і Німеччини, в т. ч. акредитовані в Москві дипломати, вивчення діяльності яких підтверджує той факт, що дипломатичний протокол – показник пріоритетів зовнішньої політики держави.

Ключові слова: дипломатія, культура, протокол, зовнішня політика, дипломатичний етикет.

Oksana ZAKHAROVA,
orcid.org/0000-0002-2143-7020
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Independent Researcher
(Priluki, Chernihiv region, Ukraine) irinamak67@ukr.net

STAY OF GERMAN AND ITALIAN DIPLOMATS IN MOSCOW (1920–1930S): PROTOCOL AND CULTURAL ASPECTS

A new period in the history of Russian diplomacy and, accordingly, in the history of the diplomatic protocol began after the February Revolution of 1917 and the abdication of Nicholas II from the throne.

The only “protocol action” of the Provisional Government was to publish a list of heads of foreign diplomatic missions accredited in Petrograd. Immediately after the October events of 1917 the People’s Commissariat of Foreign Affairs (PCFA) was headed by L. D. Trotsky.

In the 1920–1930s, Dmitry Timofeevich Florinsky (repressed in 1934) and Vladimir Nikolaevich Barkov (arrested in June 1941, rehabilitated in 1958) were at the head of the Protocol Service of the PCFA.

The problem of the research is to study not only the official, but also the everyday life of diplomats accredited in Moscow and their families in order to prove the dependence of protocol norms, traditions and conventions on the priorities of the state’s foreign policy.

As a result of the study, it was revealed that the peculiarity of the Diplomatic Corps’ stay in Moscow was that the diplomats stayed in a new, unfamiliar social cultural environment in which there was a negative attitude to modern European culture, of which representatives were the members of the Diplomatic Corps.

In the beginning of the 1920s, the Corps lives rather closed, but in the future, thanks to the efforts of D. T. Florinsky and employees of the Protocol Department, the isolation of the Corps from the cultural life of Moscow is no longer so obvious.

It is also noteworthy that the embassies of fascist Italy and Nazi Germany were the original centers of diplomatic life in the capital of the USSR. In the 30s German diplomats played an active role not only in political but also in secular diplomatic life, one of the highlight of which was the ball of the German mission in Moscow, in which the language of art expressed the attitude of diplomats to modern Soviet reality.

Analyzing the history of the formation of the Soviet protocol, one cannot underestimate the subjective factor. Legacy of D. T. Florinsky and V. N. Barkov is the basis for subsequent practical developments in the field of the protocol, which is still an instrument of creation in world politics.

In 1939 the foundations of a new world order were laid in Moscow, in the creation of which the employees of the foreign affairs agencies of the USSR and Germany played an important role, including diplomats accredited in Moscow, and the study of their activities was confirmed by the fact that the diplomatic protocol is an indicator of the priorities of the state’s foreign policy.

Key words: diplomacy, culture, protocol, foreign policy, diplomatic etiquette.

Постановка проблемы. После Февральской революции 1917 г. и отречения Николая II от престола наступил новый период в истории российской дипломатии и, соответственно, в исто-

рии российского дипломатического протокола. Министерство Императорского Двора прекратило своё существование, вопросы протокола перешли в ведение Министерства иностранных дел.

Единственная «протокольная акция» Временного правительства заключалась в издании списка аккредитованных в Петрограде глав иностранных дипломатических миссий.

Сразу после октябрьских событий 1917 г. народный комиссариат иностранных дел (НКВД) возглавил Л. Д. Троцкий. Дипломатические ранги отменялись, послов и посланников заменили дипломатические представители. Все вопросы протокольных норм в отношениях с зарубежными дипломатами были сосредоточены в Секретариате НКВД.

В 1922 г. создается отдельная Протокольная часть, преобразованная вскоре в Протокольный отдел НКВД СССР. Протокольную службу НКВД в 1920–1930 гг. возглавляли Дмитрий Тимофеевич Флоринский (1922–1934 гг.) и Владимир Николаевич Барков (1939–1941 гг.).

Д. Т. Флоринский находился с 1913 г. на службе в МИД Российской империи, уволен в отставку в 1918 г. Возглавил первое структурное подразделение в системе НКВД – Протокольную часть, преобразованную в 1923 г. в Протокольный отдел. В 1934 г. арестован и уволен со службы, репрессирован.

В. Н. Барков назначен заведующим Протокольным отделом НКВД в начале 1935 г. Арестован в июне 1941 г. Особое совещание приговорило В. Н. Баркова к 20 годам тюремного заключения, из которых он отсидел 17 лет. В 1958 г. реабилитирован как жертва сталинских репрессий.

Проблема исследования состоит в изучении не только официальной, но и повседневной жизни аккредитованных в Москве дипломатов и членов их семей с использованием в качестве источников материалов Архива внешней политики РФ (АВП РФ).

Анализ исследований. Способы формирования образа Советской России в окружающем мире в 1920-х – первой половине 1940-х гг. рассматриваются в монографии А. В. Голубева и В. А. Неvejина, которые изучили роль в этом процессе государственных учреждений, общественных организаций СССР и зарубежных стран, их руководства, видных деятелей науки и культуры (Голубев, Неvejин, 2016: 232).

О. Ю. Захарова в своей работе (Захарова, 2018: 496) исследует политические и протокольные аспекты зарубежных визитов в СССР (начало 20-х – середина 80-х гг. XX ст.), программа которых предусматривала официальные и неофициальные встречи, переговоры, обмен подарками, приёмы в Кремле, поездки по стране.

Таким образом, назрела необходимость отдельного исследования данной проблемы, которое

расширит наши представления об истории международных отношений в 20–30-е гг. XX ст.

Цель исследования – доказать зависимость протокольных норм, традиций и условностей от приоритетов внешней политики государства.

Изложение основного материала. Период от военного коммунизма к НЭПу, развитие системы образования – всё это заставило западные государства изменить своё отношение к Советской России, а с 30 декабря 1922 г. – к СССР. Прием иностранных граждан и организация визитов зарубежных делегаций требовали развития протокольной службы НКВД.

Одна из особенностей пребывания Дипкорпуса в Москве состояла в том, что в столице СССР не было специального места для общения дипломатов, проблема создания в Москве Дипломатического клуба обсуждалась на завтраке в итальянской миссии, куда Д. Т. Флоринский был приглашён 13 сентября 1922 г.

Кроме заведующего Протокольной частью НКВД, на приёме присутствовали польский поверенный в делах Моравский и литовский посланник Балтрушайтис. Перед завтраком имел место «забавный» инцидент. Вылетевший из Москвы в Берлин итальянский курьер высказал мнение, что Ковно, где ему предстоит приземлиться, находится в Польше. Моравский в шуточной форме выразил протест и попросил не делать подобных заявлений, чтобы он не был обвинён в пропаганде шовинистских идей.

Во время приёма председатель итальянской торговой миссии Амадори жаловался на обилие работы, которая не позволяет ему пользоваться прекрасной погодой. Советская сторона восприняла это как намёк на то, что его отношения с НКВД ограничиваются повседневной перепиской и не касаются политических вопросов, в которых заинтересованы Италия и Россия.

Кроме итальянской миссии, активная роль в организации дипломатических приёмов принадлежала сотрудникам германской миссии, в первую очередь семье фон-Твардовских, которые уже в начале 20-х гг. приглашали на обеды сотрудников НКВД. Так, в Дневнике Д. Т. Флоринского содержится запись об обеде у фон-Твардовских 9 августа 1923 г., в которой начальник Протокольного отдела отмечает, что хозяйка приёма хорошо говорит по-английски и по-французски (Флоринский, 1923: 87). В этот период времени данное замечание весьма актуально, если не сказать «болезненно» для Флоринского, так как большинство сотрудников НКВД ни психологически, ни практически не были готовы к участию

в дипломатических приемах. Из сотрудников Протокольного отдела практически один Флоринский мог поддерживать беседу на французском языке, который по-прежнему был языком классической дипломатии.

Отсутствие коммуникативных навыков приводит к проблеме получения необходимой информации, что, в свою очередь, усложняет решение отдельных внешнеполитических вопросов. Об этой проблеме языком сценического искусства было сказано на одном из самых ярких событий сезона 1931 г. – на балу у фон-Твардовского. Главная идея бала – противопоставление «человеческой жизни» «жизни в Красной Москве» (Соколин, 1931: 73).

Это был своеобразный спектакль. А, как известно, «театр начинается с вешалки». У входа фон-Твардовский, одетый барменом, угощал за стойкой гостей коктейлями. Амуры балюстрад были покрыты надписями и обвиты лентами. Зал иллюминирован разноцветными гирляндами. Всеобщее внимание привлекали нарисованные углем на стенах шаржи «советских типов: мрачного милиционера, мерзнущей в короткой юбке обывательницы, странного еврея в красноармейской форме и т. п.» (Соколин, 1931: 73). Некоторые из приглашенных были во фраках, но большинство в «кабаретных нарядах» (Соколин, 1931: 73). Весьма эффектно выглядели японцы в русских крестьянских костюмах. Дамы щеголяли в бразильских, мексиканских и испанских нарядах.

Всё представление, длившееся с 10 часов до 2 часов 45 минут почти без перерывов, состояло из 26 номеров, в большей части которых с иронией рассказывалось о проблемах советской жизни, в т. ч. дипломатической. «О советском протоколе говорилось, как он всюду опаздывает, как ждёт похвалы за совершённые благодеяния, которых, увы, никто не замечает, как он навязывает голодных гостей; отмечалось в комической форме незнание языков нашими сотрудниками и их непонимание шуток; много было инсинуаций по поводу нищеты, опаздывания поездов, неисправной работы таможни и т. д. Все сцены кончались возгласами: «Жизнь полна жертв и страданий». Неплохо были показаны глупость и скука времяпрепровождения дипломатов. Очень удачны сцены дипобеда, бриджа и проводов на вокзал», – отметил в Дневнике помощник заведующего Протокольным отделом Соколин (Соколин, 1931: 74), приглашённый вместе с Д. Т. Флоринским на этот бал.

Одну из сцен, которую ожидало большинство собравшихся, сняли по «приказу» Дирксена.

В этой части обозрения должен был состояться разговор германского секретаря с Литвиновым.

Можно только посочувствовать советским гостям, которые выдержали эту культурную агрессию.

Начиная с 1928 г. «с легкой руки» мадам Черрути бридж вытеснил танцы и сделался самым модным развлечением среди членов Дипкорпуса обоего пола», – отмечает в Дневнике Флоринский (Флоринский, 1928: 21).

В этот период времени итальянское посольство снова начинает играть «руководящую роль в жизни Дипкорпуса и служить объединяющим центром» (Флоринский, 1928: 21). Но если раньше у представителей Дипкорпуса наибольшей популярностью пользовались танцевальные «субботники» графини Мандони, то теперь – «вторники мадам Черрути», на которые, согласно решению мадам, приглашались только бриджеры.

17 января 1928 г. на приеме «чай – бридж» мадам Черрути собрались все московские бриджеры (35 человек играли на семи столах). Флоринский удостоился чести играть с хозяйкой дома и «к великому ее удовольствию проиграл ей несколько рублей» (Флоринский, 1928: 11).

Страстью супруги итальянского посла мадам Черрути был не только бридж, которым она «заразила» весь Дипкорпус, но и теннис.

Несомненно, мадам Черутти являлась личностью незаурядной. Если в дореволюционной России были светские львицы, имена которых вошли в историю благодаря великим поэтам, художникам, литераторам, посещавшим их салоны, то мадам Черутти по праву можно назвать «дипломатической львицей», сумевшей стать законодательницей мод в советской Москве. Мадам отличалась экстравагантным поведением, которое в сочетании с оригинальными туалетами создавало незабываемый образ, но вместе с супругом, появившимся на приёмах с фашистским значком, они представляли Италию Муссолини. Данное обстоятельство заставляло относиться к ним настороженно, если не сказать враждебно, советских граждан.

В начале 1930 г. Д. Т. Флоринского посетил помощник Главного Секретаря «Динамо», который заявил, что игра мадам Черутти на зимнем корте вызывает недовольство некоторых членов «Динамо». «Фашистка среди чекистов – действительно парадоксально», – отметил в Дневнике начальник Протокольного отдела (Флоринский, 1930: 55). Представитель «Динамо» интересовался, не оборудуется ли для дипломатов специальный зимний корт. «Динамо» готово оказать техническую помощь. Флоринский ответил,

что неудобно отбирать у мадам Черутти данное ей разрешение, до весны остаётся два месяца, к тому же, она играет в утренние часы, когда корт не слишком загружен.

В том же году дипломатические работники получили возможность играть в теннис на стадионе «Искра» по утрам в нечётные дни. На этот стадион решили приезжать германский и британский послы. «Дипломаты в восторге от корта и от любезности администрации», – запишет в Дневнике Флоринский. Они оценили это как большую «любезность в отношении Дипкорпуса» (Флоринский, 1930: 119).

Спорт не всегда способствует укреплению международных отношений. В июне 1930 г. разразился скандал из-за теннисного матча между немецкими и советскими дипломатами, на котором присутствовали Дирксен, фон-Твардовский и еще несколько чиновников посольства Германии. На приеме в Германском посольстве заместитель наркома иностранных дел Карahan заявил, что «матч имел частный характер; и никаких протоколов <...> не подписывалось; Линдман сыграл по два сета с Новиковым и Ованесовым: результаты игры с каждым из них в пользу Линдмана «0-0» и «0-1» (Флоринский, 1930: 19).

В начале 30-х гг. состязания по теннису входили в большинство программ дипломатических приёмов.

16 июня 1933 г. Флоринский посетил приём у баронессы Коскинец, организованный в саду за чайным столиком. «Теннис, выделяются как сильные теннисисты китайские секретари. По их адресу Вилманис заметил: «Им больше ничего не остаётся делать». Мадам фон Дирксен играет с ожесточением в паре с самым молодым и ловким китайцем» (Флоринский, 1933: 129).

Одной из самых активных участниц светской дипломатической жизни столицы была супруга немецкого посла мадам Дирксен. Так, в зимнем сезоне 1933 г. она после чая у Флоринского отправилась вместе с ним на концерт рабочей молодёжи (пение, танцы, акробатика).

Мадам Дирксен также продемонстрировала свои исполнительские способности – села к роялю и сыграла «Стеньку Разина». Мадам держала себя весьма непринуждённо и, видимо, осталась довольна вечером, убедившись лично, как веселится советская рабочая молодёжь (Флоринский, 1933: 38).

Российский городской и народный фольклор полюбился не только мадам Дирксен. На одном из приёмов (1933) после выступления хора цыган

мадам Конти исполнила цыганскую пляску, а её муж – «Яблочко». За обедом мадам «восхваляла бассейн завода АМО, куда почти ежедневно ходит плавать с мужем» (Флоринский, 1933: 67–68).

В середине 30-х гг. события в Европе не могли не оказать влияние на жизнь Дипкорпуса, в котором лидерство немецких дипломатов уже не столь очевидно. В 1939 г. начинается новый этап в истории советско-германского сотрудничества, что подтверждает язык дипломатического протокола во время визитов в СССР в 1939 г. министра иностранных дел Германии (1938–1945 гг.) Иоахима фон Риббентропа.

23 августа, в день прилёта немецкой делегации, московский аэропорт был украшен флагами СССР и Рейха, гостей приветствовал строй почётного караула. В тот же день, по окончании переговоров в Кремле, в кабинете министра иностранных дел СССР Молотова был сервирован ужин на четыре персоны. В начале приёма Сталин неожиданно для присутствующих произнёс тост об Адольфе Гитлере как об особо почитаемом им человеке.

В конце приёма произошел эпизод, весьма характерный для Кремлевской встречи. В ответ на просьбу Риббентропа Сталин согласился, чтобы личный фотограф сделал несколько снимков (иностранцы не могли фотографировать в Кремле). Когда же Сталин и гости были сняты с бокалами Крымского шампанского в руках, Сталин заявил, что этот снимок не может быть опубликован, но, когда фоторепортер передал плёнку Сталину, тот вернул её, заметив, что доверяет немецким гостям и уверен, что снимок опубликован не будет. По словам Риббентропа, этот случай характеризует атмосферу его первого визита в Москву (Риббентроп, 1996: 143).

24 августа немецкая делегация вылетела в Германию. Таким образом, нарушив соглашение с Польшей и Францией от 1936 г., СССР вступил в союз с Германией. Английские и французские военные миссии, которые длительное время вели переговоры в Москве, покинули СССР. В этот период времени немецкие посольства, так же, как в период 20-х – начала 30-х гг., становятся центром дипломатической жизни Москвы.

Следует отметить, что немецкие дипломаты проявляли по отношению к советским коллегам безукоризненную вежливость, были тактичны и с пониманием относились к проблемам формирования советского протокола.

В течение всего ноября 1939 г. начальник Протокольного отдела В. Н. Барков регулярно встречается с 1-ым секретарём Германского посольства

господином Вальтером, который обсуждал с ним выбор костюма для официальных приёмов. Во время одной из таких встреч Вальтер спросил у Баркова, какой вид одежды предпочитает советская сторона для членов Дипкорпуса – фрак или пиджак. Затем немецкий дипломат уточнил свой вопрос – не желает ли НКИД, чтобы иностранные дипломаты были во фраках, а советские – в пиджаках. На последний вопрос Барков дал отрицательный ответ (Барков, 1939: 76).

Через несколько дней во время очередного визита к заведующему Протокольным отделом Вальтер обратил внимание коллеги на трудности, которые могут возникнуть при отмене фрака. В частности, это касалось внешнего вида дам, которые не желали надевать длинные платья, если мужчины будут в пиджаках.

По мнению 1-го секретаря германского посольства, дамы Дипкорпуса в Москве одеваются лучше, чем дамы Дипкорпусов в других странах. Одна из причин – «в Москве деньги ни на что расходовать, ставки у дипломатов повышенные, поэтому, отправляясь летом за границу, заказывают на целый сезон платья. В ответ на это Барков заметил, что дамы могут надевать на приемы и обеды любые платья» (Барков, 1939: 75).

28 ноября 1939 г. на обеде у германского посла приглашённые с советской стороны были в пиджаках, представители Дипкорпуса – во фраках, дамы – в вечерних туалетах. Господин Шуленбург с удовлетворением отметил, что проблема протокольного костюма разрешена и что установлен «модус» в отношениях с английским и французским посольством. В ответ на вопрос Баркова, что это за «модус», немецкий дипломат объяснил, что при встрече немцы, англичане и французы будут ограничиваться лёгкими поклонами издали (Барков, 1939: 78).

В то время, как немецкие, французские и английские дипломаты устанавливали «модус» взаимоотношений, дипломатическая миссия Финляндии в Москве уже 1 декабря 1939 г. находилась в полной изоляции, отсутствовала телефонная связь с правительством, с НКИД, советское полпредство 1 декабря выезжает в Стокгольм (Барков, 1939: 79).

В этот период немецкие дипломаты по-прежнему являются одними из самых активных участников дипломатической жизни в столице СССР. 19 декабря на приёме во Всесоюзном обществе культурных связей (ВОКС) присутствовали немецкие дипломаты, которые остались очень довольны приемом (Барков, 1939: 88).

Немецкие дипломаты веселятся в ВОКС, а эстонский и литовский посланники, а также секретарь латвийской миссии добиваются приёма у Сталина, чтобы поздравить вождя с 60-летием (Барков, 1939: 88–89). Всем им было рекомендовано отправить личные письма И. В. Сталину, которому Гитлер в поздравительной телеграмме от 23 декабря желает «доброго здоровья» и «счастливого будущего народам дружественного Советского Союза». Поздравительную телеграмму на имя Сталина отправил и И. фон Риббентроп. В ответном послании Сталина в адрес Гитлера и Риббентропа подчёркивалось, что «Дружба народов Германии и Советского Союза, скреплённая кровью, имеет все основания быть длительной и прочной» (Голубев, Невежин, 2016: 131).

Выводы. В 1939 г. в Москве были заложены основы нового мирового порядка, в создании которого важную роль сыграли сотрудники внешнеполитических ведомств СССР и Германии, в т. ч. аккредитованные в Москве дипломаты, изучение деятельности которых подтверждает тот факт, что дипломатический протокол – показатель приоритетов внешней политики государства.

Таким образом, в результате исследования выявлено: особенность пребывания Дипкорпуса в Москве заключается в том, что дипломаты находились в новой, непривычной для социокультурной среде, в которой к современной европейской культуре, представителями которой они являлись, было негативное отношение.

В начале 20-х гг. корпус живёт довольно замкнуто, но в дальнейшем, благодаря стараниям Д. Т. Флоринского и сотрудников Протокольного отдела, изолированность корпуса от культурной жизни Москвы уже не столь очевидна.

Обращает на себя внимание также тот факт, что своеобразными центрами дипломатической жизни столицы СССР были посольства фашистской Италии и нацистской Германии. В 30-е гг. немецкие дипломаты играют активную роль не только в политической, но и в светской дипломатической жизни, одним из ярких событий которой стал бал немецкой миссии в Москве, на котором языком искусства было выражено отношение дипломатов к современной советской действительности.

Анализируя историю формирования советского протокола, нельзя недооценивать субъективный фактор. Наследие Д. Т. Флоринского и В. Н. Баркова – основа для последующих практических разработок в области протокола, который и в настоящее время является инструментом созидания в мировой политике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Барков В. Н. Дневник. 1939. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 057. Оп. 19. П. 113. Д. 1. Л. 76, 78, 79, 88, 89.
2. Голубев А. В. Небезин В. А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии. 1920-е – первая половина 1940-х гг. Москва – Санкт-Петербург, 2016. С. 131.
3. Захарова О. Ю. Как в СССР принимали высоких гостей. Главы государств и правительств, партийные и общественные деятели, зарубежные дипломаты в гостях у Сталина, Хрущёва, Брежнева. Москва, 2018. С. 496.
4. Риббентроп И. Между Лондоном и Москвой. Москва, 1996. С. 143.
5. Соколин. Дневник. 1931. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 11. Д. 2. П. 109. Л. 73, 74.
6. Флоринский Д. Т. Дневник. 1923. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 6. П. 103. Д. 5. Л. 87.
7. Флоринский Д. Т. Дневник. 1928. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 105. Д. 1. Л. 21.
8. Флоринский Д. Т. Дневник. 1930. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 10. П. 108. Д. 3. Л. 19, 55.
9. Флоринский Д. Т. Дневник. 1933. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 13. П. 111. Д. 1. Л. 38, 129, 67–68.

REFERENCES

1. Barkov V. N. Dnevnik [Diary] (1939). Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFP RF). F. 057. I. 19. F. 113. C. 1. P. 76, 78, 79, 88, 89. [in Russian].
2. Golubev A. V., Nevezhin V. A. Formirovanie obraza Sovetskoy Rossii v okruzhayuschem mire sredstvami kulturnoy diplomatii. 1920-e – pervaya polovina 1940-h gg. [The formation of the image of Soviet Russia in the surrounding world by means of cultural diplomacy. 1920s – first half of the 1940s]. Moscow – Sankt-Petersburg (2016). P. 131. [in Russian].
3. Zakharova O. Y. Kak v SSSR prinimali vyisokih gostey. Glavy gosudarstv i pravitelstv, partiynye i obschestvennyye deyateli, zarubezhnyye diplomatyi v gostyah u Stalina, Hruschyova, Brezhneva [How the USSR received distinguished guests. Heads of states and governments, party leaders and public figures, foreign diplomats visiting Stalin, Khrushchev, Brezhnev]. Moskva, 2018. P. 496. [in Russian].
4. Ribbentrop I. Mezhdou Londonom i Moskvoy [Between London and Moscow]. Moskva, 1996. P. 143. [in Russian].
5. Sokolin. Dnevnik [Diary] (1931). AFP RF. F. 057. I. 11. C. 2. F. 109. P. 73, 74. [in Russian].
6. Florinsky D. T. Dnevnik [Diary] (1923). AFP RF. F. 057. I. 6. F. 103. C. 5. P. 87. [in Russian].
7. Florinsky D. T. Dnevnik [Diary] (1928). AFP RF. F. 057. I. 8. F. 105. C. 1. P. 21. [in Russian].
8. Florinsky D. T. Dnevnik [Diary] (1930). AFP RF. F. 057. I. 10. F. 108. C. 3. P. 19, 55. [in Russian].
9. Florinsky D. T. Dnevnik [Diary] (1933). AFP RF. F. 057. I. 13. F. 111. C. 1. P. 38, 129, 67–68. [in Russian].